

— Значит, Чжоу Сюэжун проснулся первым? — Юй Хаохуай остановился у стойки медсестры, рассеянно освещая фонариком лежащий на столе список пациентов.

Сюй Минлан уловил нотки сомнения в голосе Юй Хаохуая, но не стал ничего объяснять. Чжоу Сюэжун и так не обратил бы внимания на такие мелочи, однако почему-то в груди Сюй Минлана поднялась странная тревога. Обернувшись, он увидел, что Юй Хаохуай замер у стойки.

— Что ты там рассматриваешь? — Сюй Минлан схватил Чжоу Сюэжун за руку и обернулся.

— Просто смотрю, кто здесь лечился.

Сюй Минлан обменялся с Чжоу Сюэжун многозначительным взглядом. Двое молодых людей, стоявших позади, хоть и не поняли, в чём дело, но тоже последовали за ними.

Странное дело: когда они только что проходили мимо стойки, всё казалось нормальным, но как только Сюй Минлан оказался перед столом, его вдруг охватило странное чувство одиночества. Это было похоже на то, как будто он стоял посреди пустого пшеничного поля, наблюдая, как небо постепенно темнеет, и весь мир оставляет его одного.

Ему вдруг захотелось заплакать.

— Что с тобой? — Юй Хаохуай направил свет фонарика на лицо Сюй Минлана, его выражение было серьёзным.

Сюй Минлан очнулся и спросил:

— Что-то нашёл?

— Здесь только имена, но кто знает, действительно ли эти люди здесь лечились или это просто выдумки того, кто за всем этим стоит.

Сюй Минлан мельком пролистал список, не обнаружив ничего интересного, и бросил его на стол. Обернувшись, чтобы найти Чжоу Сюэжун, он с удивлением обнаружил, что тот исчез.

— Где Чжоу Сюэжун? — спросил он у Мяо Фан и Е Цзявэнь.

— Он пошёл вперёд, — ответила Е Цзявэнь.

Сюй Минлан не стал упрекать их за то, что они не остановили его, лишь бросил:

— Идёмте все за мной, — и побежал по коридору.

Третья дверь слева была открыта. Сюй Минлан вошёл внутрь, велел Мяо Фан и Е Цзявэнь остаться у двери. Юй Хаохуай хотел последовать за ним, но Е Цзявэнь остановила его, сказав, что ей страшно, и попросила, чтобы больше людей осталось снаружи.

Мяо Фан издал свой характерный звук, который всегда вызывал удивление, как ему это удаётся.

Войдя в комнату, Сюй Минлан увидел спину Чжоу Сюэжун, который, присев, напоминал гору, и свет, пробивавшийся из-под него. Подойдя ближе, он тихо спросил:

— Чжоу Сюэжун, это ты?

— Угу.

— Что ты делаешь? — Сюй Минлан нервничал, боясь, что знакомый силуэт вдруг обернётся лицом, которое окажется расплавленным.

К счастью, Чжоу Сюэжун лишь повернулся, освобождая место для Сюй Минлана, который взглянул на его профиль с чёткими чертами. С облегчением он подошёл и присел рядом.

Когда Сюй Минлан наконец разглядел освещённый участок пола, он чуть не сел на пол от шока. На полу отчётливо виднелся красный отпечаток руки, причём даже линии на ладони были видны.

Чжоу Сюэжун встал, осветив комнату фонариком. Сюй Минлан, всё ещё в шоке, услышал, как у двери Юй Хаохуай начал торопить их, но никто не произнёс ни слова, настолько потрясены они были увиденным.

— Нашёл что-нибудь о старом Чжао? — спросил Юй Хаохуай.

— Ковыряешься, как будто времени полно... — начал было Мяо Фан, но его прервал возглас Е Цзявэнь.

В свете фонаря на стене над кроватью виднелась цепочка кровавых отпечатков, а на потолке было ещё два.

— Чёрт... Как он туда забрался? Это же явно против законов физики, — в голосе Мяо Фана слышались не только дрожь, но и нотки возбуждения, он даже начал анализировать, как такое возможно.

Остальные не были так беззаботны, как Мяо Фан, ведь речь шла о жизни человека. Юй Хаохуай первым встал на подушку, чтобы лучше рассмотреть, и после небольшого осмотра заявил:

— Это точно не старый Чжао.

— Ну конечно, он что, летать умеет? — огрызнулся Мяо Фан.

Его острый язык иногда раздражал, но в такой момент наличие человека, способного шутить в лицо опасности, было некоторым утешением.

Е Цзявэнь потрепала Мяо Фана по плечу, предлагая ему потише, и сама спросила:

— Как ты понял?

Юй Хаохуай, немного разбирающийся в осмотре мест происшествий, объяснил:

— Старый Чжао обладает плотным телосложением, с крупными суставами пальцев. Ни форма, ни сила давления не совпадают.

Сюй Минлан приблизился, чтобы посмотреть, и убедился, что Юй Хаохуай прав. В душе он начал сомневаться в своих способностях. В обычном мире музыка и другие искусства были мощным оружием для передачи идей, но в таких экстремальных условиях, даже если он умел петь, сочинять музыку и играть на гитаре, это ничего не давало.

Чжоу Сюэжун, словно не желая уступать, резко шагнул вперёд, чуть не сбив Юй Хаохуая с кровати.

— Ты с ума сошёл? — выругался Юй Хаохуай.

Чжоу Сюэжун проигнорировал его, направив фонарик на цепочку отпечатков на стене. Юй Хаохуай, подумав, что тот сомневается в его выводах, раздражённо сказал:

— Не смотри, я же сказал, там нет отпечатков старого Чжао.

Чжоу Сюэжун нахмурился, явно раздражённый болтовнёй. Сюй Минлан подошёл ближе и тихо спросил:

— Ещё что-то странное?

— Посмотри сюда, эти пять отпечатков, похоже, оставлены не одним человеком, — Чжоу Сюэжун подвигал фонариком. — И их расположение странное, будто они образуют круг.

Юй Хаохуай выхватил фонарь, снова взглянул, но не подтвердил и не опроверг.

Мяо Фан, не понимая, о чём речь, подошёл и, глядя на цепочку отпечатков, сказал:

— Само то, что они остались на стене и потолке, уже странно, а уж их порядок вообще не важен.

— В таком узком пространстве оставить круг отпечатков, возможно, это подсказка для нас, — предположила Е Цзявэнь.

Чжоу Сюэжун вдруг произнёс:

— А может, это вообще не человеческие отпечатки.

Его слова взбудоражили всех, Сюй Минлан сам почувствовал, как по спине пробежал холодок, и, прочистив горло, сказал:

— Не шути, если не человеческие, то чьи?

Чжоу Сюэжун на секунду задумался, затем выпалил:

— Пауки.

В операционной.

Полный мужчина средних лет кричал, а кровь, лившаяся на него, была сильной, как водопад, заставляя его падать и снова подниматься, снова падать и снова подниматься.

Страх заменил необходимые для жизни жидкости в теле несчастного мужчины, лишая его сил. Осознав, что не может встать, Чжао Дунсян начал ползти к двери, как собака, барахтаясь в крови.

Операционная превратилась в резервуар, только наполненный кровью. Чжао Дунсян, весь в крови, с засохшими корками, не мог даже открыть глаза. Он полз в луже крови, пытаясь открыть дверь, но та будто была намертво заварена.

Чжао Дунсян стучал в дверь, даже не замечая, как брызги крови попадали ему в рот, и кричал:

— Помогите! Я здесь! Я здесь!

Но сколько бы он ни кричал, ответа не было. Единственное, что он мог делать, это снова и снова звать на помощь, полностью забыв о своём решительном настрое, когда тайком выходил.

Ведь если человек умирает, то ни достоинство, ни решимость больше не имеют значения. Его мечты о спокойной жизни, его дочь-подросток, которая временами грубила ему, и блюда, которые готовила его жена, — всё это превратилось в недостижимые воспоминания.

Разве это не хуже смерти?

Кровь уже поднялась до живота, он боялся, что скоро утонет, и снова и снова бился плечом о дверь, зная, что это бесполезно, но не мог остановиться, надеясь хотя бы на один шанс из ста...

Внезапно Чжао Дунсян потерял равновесие и упал вперёд, вылившись вместе с кровью наружу.

Он спасся!

Чжао Дунсян, весь в крови, пополз вперёд, не смея оглянуться. Когда силы вернулись к нему, он почти сразу вскочил на ноги и, держась за стену, двинулся вперёд, пока не добрался до лифта.

Дрожащими пальцами он нажал кнопку и, увидев, что та загорелась, наконец расслабился. На дисплее было видно, что лифт находится на первом этаже. Чжао Дунсян с тревогой смотрел на красные цифры, как вдруг вздрогнул и обернулся, уставившись в темноту.

<http://bllate.org/book/15403/1361466>